

Дипломатическое измерение трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Великобритании в 2015–2022 годах

Александра Андреевна Малинина, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: aamalinina@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Соединенного Королевства (2015–2022) и ее взаимосвязи с дипломатической практикой Британии.

В обозначенный период британская политическая система столкнулась с множеством различных вызовов, включая референдум о членстве страны в ЕС, последовавший сложный переговорный процесс об условиях выхода из интеграционного объединения, различные внутрипартийные расколы по ключевым вопросам британской политической жизни и иные.

Все это не только обусловило частичное обновление британской политической элиты, но и определило ее дипломатическую повестку. Помимо этого, в работе проанализировано влияние обозначенных событий на структуру и динамику властных отношений, а также на стратегические приоритеты и идеологические установки как правящей элиты Британии, так и ее оппозиции. В статье рассмотрены изменения таких ключевых характеристик элиты, как половозрастной состав, этническое происхождение, уровень образования политиков, а также дана оценка новым тенденциям в их политических взглядах и поведении. Внимание также уделено последствиям трансформации элиты для британской политической системы и дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая элита, дипломатия, Соединенное Королевство, Брекзит, оппозиция, ЕС, Индо-Тихоокеанский регион

Для Соединенного Королевства период с 2015 по 2022 гг. ознаменовался рядом ключевых событий, среди которых референдум по вопросу о членстве в Европейском союзе, последующий Брекзит, перестановки в руководстве основных политических партий и несколько всеобщих парламентских выборов. Вследствие этих событий изменились не только стратегические приоритеты, идеологические ориентиры и взаимоотношения ведущих британских политических сил с обществом, но и расстановка сил внутри властных групп, их особенности и некоторые характеристики. Понимание того, как именно трансформируется политическая элита государства, какие присущие ей признаки воспроизводит и как именно рекрутирует новых членов, важно по ряду причин: для оценки ее потенциальной эффективности; для определения степени демократичности и открытости процессов попадания новых кадров на важнейшие управляющие позиции; для выявления ее целей и приоритетов с возможностью дальнейшего прогнозирования политики и др.

Поскольку референдум о членстве Британии в ЕС, последовавший за ним переговорный процесс о выходе и ряд других важнейших событий рассматриваемого периода относятся к внешнеполитическому вектору, при анализе важно учесть особую часть правящей элиты – дипломатическую, которая во многом определяла успехи и неудачи Королевства в рассматриваемый период. Обычно под дипломатической элитой подразумевается «узкая элитная группа, часть господствующего класса, монополизировавшая внешнеполитическую деятельность»¹. Она играет достаточно важную роль в управлении государством, поскольку фактически самостоятельно определяет отдельное направление его политики – внешнюю политику, далеко не всегда зависящую от внутренних вопросов и таким образом представляющую собой крупное и относительно независимое направление реализации власти. При этом отмечается, что из всех видов элиты именно дипломатическая зачастую является самой консервативной и закрытой².

Говоря о методологии исследования трансформации элиты, можно обратиться к ряду успешных отечественных и зарубежных работ, посвященных данной проблеме.

Во-первых, представленная в научной литературе дихотомия «дипломатия – политика» и попытки ее преодоления позволяют соединить два, казалось бы, несвязанных понятия. В своей статье об этих терминах А. Нишикава-Пахер справедливо отмечает: «С одной стороны, политика нуждается в дипломатии. Современное государственное устройство – это всего лишь одно из многих эквивалентных образований. Международное сообщество, которое координирует трансграничные вопросы, такие как железнодорожный транспорт, почтовые услуги, научное сотрудничество, коммуникационные технологии и т.д., было бы невозможно без договоров, заключенных дипломатическим путем»³. С другой стороны, «дипломатия также не может существовать без политики – меж-

1 Ашин, Г.К. Формирование дипломатической элиты // Электронная библиотека Royallib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/ashin_gennadiy/formirovanie_diplomaticheskoy_eliti.html (дата обращения: 19.11.2024).

2 Ibid.

3 Nishikawa-Pacher 2024, 472.

государственные взаимодействия зависят от политически централизованных возможностей физического насилия, поскольку без возможности принуждения к принятию решений переговоры были бы бесполезны»¹. Как следствие, данная статья также не разделяет два таких понятия, как «политика» и «дипломатия», ввиду взаимодействий и взаимосвязи между двумя терминами как в теоретическом, так и в практическом плане. Аналогичным образом такие эксперты, как Д. Дигол, подтверждают важность изучения трансформации дипломатической элиты в контексте трансформации правящей элиты². Таким образом, анализ должен включать и общие тенденции в развитии состава и характеристик элитных групп.

Во-вторых, определяя направление трансформации элиты, исследователи практически единогласно сопоставляют ряд черт, присущих ее членам. Например, упомянутая ранее Д. Дигол утверждает, что ключом к пониманию процесса циркуляции или обновления дипломатической элиты является анализ общих характеристик дипломатов, а также системы их отбора. В частности, в первую очередь предлагается учитывать изменения в образовании, полученном членами элиты, социальном происхождении и каналах их рекрутирования, а во вторую – в половозрастных особенностях, месте жительства и предыдущем опыте работы³.

Аналогичным образом, согласно Г. Ашину, «успешность» дипломатической элиты определяют кадры, ее составляющие (в особенности качество их образования), и степень ее «открытости», в том числе новым талантам, а также представителям различных слоев общества, делающих ее более репрезентативной, отражающей социальные запросы (в частности, социально-классовый состав элиты и др.)⁴. С одной стороны, если квалификация кадров и наличие широких возможностей для их попадания в элитные слои действительно могут иметь прямую взаимосвязь с успешностью деятельности, осуществляемой элитой, то репрезентативность не всегда гарантирует эффективность в достижении целей. С другой стороны, в современных демократических политических системах ожидается, что члены элиты будут представлять интересы различных социальных групп, что, бесспорно, требует более широких возможностей для попадания в элиту выходцев из разных слоев населения по принципу обладания ими определенными качествами и достоинствами (меритократия), а не из-за близости к правящим кругам.

Таким образом, в данной статье проанализированы процессы трансформации высших слоев британского истеблишмента в 2015–2022 гг., исследованы причины, способствовавшие таким изменениям, а также их последствия для политической системы Соединенного Королевства в целом и дипломатии Британии в частности. В качестве критериев указанных перемен выбраны изменения в половозрастном составе, этническое происхождение, уровень образования политиков, каналы рекрутирования, а также рассматриваются новые тенденции в их

1 Nishikawa-Pacher 2024, 472.

2 Diana Digol, "Emerging Diplomatic Elites in Post-Communist Europe," European University Institute, March 23, 2007, accessed November 20, 2024, <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/6941>.

3 Ibid.

4 Ашин, Г.К. Указ. соч.

политических взглядах и поведении. Преобладание представителей мужского или женского пола, сокращение или увеличение числа политиков неанглийского происхождения может говорить о большей или меньшей репрезентативности и демократичности политической элиты. Образование и иные каналы, используемые элитой для рекрутирования ее членов, также могут служить признаком воспроизведения ею старых, традиционных черт или же, наоборот, обновления за счет привлечения новых талантов независимо от их происхождения.

Стоит отметить, что в отечественной литературе также присутствует пласт исследований, которые описывают процесс формирования элит, причем спектр таких работ включает как научно-популярные книги, так и статьи в рецензируемых журналах. В качестве примера первой категории стоит привести известную книгу В.В. Овчинникова «Сакура и дуб», где в одной из глав описывается процесс формирования элиты Британии¹, но не показывается то, как элита влияет на международные отношения в целом и на британскую дипломатию в частности. В качестве примеров второй категории работ по британским элитам и их формированию можно выделить статьи О.Ю. Корниенко² и А.В. Сагимбаева³, в которых рассмотрен инструментарий влияния Британии на международной арене через транслирование национальных индикаторов ценностей, а также потенциальные возможности раскола внутри британской элиты в одном конкретно взятом случае (в статье А.В. Сагимбаева это подготовка проекта конституции Индии в середине 1930-х годов). Несмотря на очевидные преимущества данных работ в формировании представления о неоднородности британской политической элиты, в них отсутствует непосредственный анализ персонального состава политической элиты, а также не рассматривается влияние элиты на внешнеполитический процесс.

Таким образом, в указанных работах не прослеживается трансформация элиты как основного актора, осуществляющего принятие решений, в том числе связанных с дипломатией. Также не учитывается возможное влияние смены дипломатических приоритетов и стратегий на частичное обновление политической элиты, включая изменение таких ее существенных характеристик, как этнический состав, гендерная принадлежность, уровень образования и возрастная структура. Данная статья призвана заполнить лакуну в изучении политических элит Британии и указать на существенную роль элиты в формировании дипломатической повестки дня Соединенного Королевства в 2015–2022 годах.

Британская политическая элита, причем как представители правящей на тот момент Консервативной партии, так и оппозиционные лейбористы, претерпела заметные изменения, которые отразились как на ее количественном, так и на качественном составе. В связи с этим в первую очередь необходимо проследить основные тенденции ее трансформации, особенно ярко проявившие себя во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг., а затем установить взаимосвязь с ключевыми изменениями дипломатической повестки и определить, действительно ли Британия получила новую элиту, определяющую внешнеполитические

1 Овчинников 2024, 408–416.

2 Корниенко 2024, 30–42.

3 Сагимбаев 2021, 6–16.

приоритеты государства, и какие именно свойства стали присущи ей в результате воздействия внешнеполитических событий и необходимости адаптироваться к новым вызовам.

Изменение характеристик правящей и оппозиционной элит в 2015–2022 гг.

Одним из ключевых аспектов трансформации правящей элиты является изменение ее состава в зависимости от политических, экономических и социальных вызовов. За рассматриваемый период в Британии сменилось шесть правительств: первый и второй кабинеты Т. Мэй (2016–2019)¹, первый и второй кабинеты Б. Джонсона (2019–2022)², кабинет Л. Трасс (2022) и кабинет Р. Сунака (с 2022)³. Кроме этого, трижды (в 2015, 2017 и 2019) состоялись всеобщие парламентские выборы.

Прежде всего, необходимо рассмотреть второй кабинет Т. Мэй, который отличался самым высоким средним возрастом среди всех министров, работавших в период с 2015 до 2022 гг. (53 года – в первом кабинете и 54 года – во втором⁴). Они и стали основой для второго кабинета, начавшего свою деятельность после досрочных парламентских выборов 2017 года. В условиях углублявшегося и набиравшего обороты политического кризиса, связанного с внутрипартийным расколом по вопросу ключевых стратегий переговорного процесса о выходе из ЕС, премьер-министр прибегла к опыту более «взрослых» политических деятелей мужского пола. Тем самым были воспроизведены традиционные черты элиты – в противовес репрезентативности различных социальных групп во властных структурах и без ориентира на привлечение новых талантов.

Особо стоит отметить уровень образования во втором кабинете Т. Мэй. При ней заметно снизилось число выходцев из традиционных для британской политической элиты университетов: Оксфорда и Кембриджа (так называемый «Оксбридж»). Если при Д. Кэмероне доля выпускников «Оксбриджа» составляла 46%, то в первом кабинете Т. Мэй их было всего 39%⁵. Это самый низкий показатель за период с 2016 по 2020 год. Во втором же ее кабинете ситуация несколько изменилась: 43% представителей элиты обладали дипломами Оксфорда или Кембриджа⁶. Вместе со снижением числа выпускников ведущих университетов снизилось и число условно «профессиональных» политиков, получивших образование в сфере государственного управления, политики, экономики или юриспруденции. Если при Д. Кэмероне 54% членов кабинета имели профильное образование, то в первом кабинете Т. Мэй их было 48%, а во втором еще меньше – 46%⁷. Однако профильное образование, строго говоря, не является обязательным требованием для британских министров, поскольку они отвечают

1 Ретроспективный анализ премьерства Т. Мэй см.: Byrne et al. 2021, 699–716; Atkins 2022, 216–230

2 О премьерстве Б. Джонсона, а также о внешне- и внутривнутриполитических проблемах в это время см.: Aidt et al. 2021, 587–617; Booth 2024, 111–129; Brusenbauch et al. 2024, 268–287; Gamble 2021, 461–468; Hayton 2021, 412–419.

3 Выборы Р. Сунака в качестве главы британского правительства см.: Booth et al. 2024, 450–469.

4 Рассчитано автором на основе: "MPs and Lords," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/members/commons>.

5 Ibid.

6 Ibid.

7 Ibid.

только за выработку общей политической линии в рамках определенного правительственного курса.

Что касается кабинета Б. Джонсона, то здесь необходимо отметить несколько важных аспектов. При Б. Джонсоне элита обновилась лишь отчасти. В первом кабинете нового премьер-министра было самое большое число женщин за весь рассматриваемый период – 38%¹. Ни в одном другом кабинете за период с 2015 до 2022 гг. так много женщин не занимало министерские посты. Кабинет Б. Джонсона также можно считать самым «молодым» в сравнении с кабинетами двух его предшественников. Средний возраст министров снизился с 54 лет при Т. Мэй до 49 лет при Б. Джонсоне². Кроме того, снизился возраст самого молодого министра: министру жилищно-коммунального хозяйства, общин и местного самоуправления Р. Дженрику было 37 лет на момент начала работы первого кабинета Б. Джонсона и 38 лет, когда был сформирован второй³. Вполне вероятно, что данная тенденция была вызвана стремлением премьер-министра не только привлечь «новые таланты», но и сформировать вокруг себя группу лично преданных политиков.

С точки зрения образования, полученного высшими представителями исполнительной власти, по-прежнему наблюдалось доминирование выходцев из «традиционных» вузов. В первом кабинете Б. Джонсона уже 50% министров окончили Оксфордский или Кембриджский университеты, чего не наблюдалось ранее, а во втором их впервые за рассматриваемый период стало больше половины⁴. При этом доля министров с профильным образованием осталась на том же уровне, что и в кабинетах Т. Мэй⁵. Таким образом, можно констатировать, что в условиях политического кризиса, вызванного Брекзитом, возростала ценность образования, полученного политиками в Оксфорде и Кембридже. Данные университеты по-прежнему являлись важными каналами пополнения рядов высшей политической элиты страны.

Самое короткое в британской истории нахождение в должности премьер-министра Л. Трасс⁶ также можно рассматривать в качестве феномена, подчеркивающего масштабы кризиса, с которым сталкивается правящая элита Соединенного Королевства. В кабинете Л. Трасс были расширены как верхняя, так и нижняя возрастные границы членов правительства. В него вошли как самый возрастной за период с 2015 по 2022 гг. министр – лидер Палаты лордов и лорд-хранитель Малой печати барон Н.Э. Тру (71 год), так и самый молодой – министр по делам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Р. Джаявардена (36 лет)⁷.

С точки зрения образования уровень кабинета Л. Трасс достоин отдельного внимания. Абсолютное большинство членов правительства (65%) закончили

1 Heather Stewart, Rowena Mason, Jessica Elgot, and Peter Walker, "Who's Who in Boris Johnson's First Cabinet," *The Guardian*, July 24, 2019, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2019/jul/24/boris-johnson-first-cabinet-whos-who>.

2 Ibid.

3 "Robert Jenrick," UK Parliament, 2024, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4320/contact>.

4 Heather Stewart, "Who is on the Move in Boris Johnson's Cabinet Reshuffle?" *The Guardian*, September 15, 2021, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2021/sep/15/who-is-on-move-boris-johnson-cabinet-reshuffle>.

5 "Liz Truss New Cabinet in Full: Who is in and Who is out?" *The Guardian*, September 7, 2022, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2022/sep/07/liz-truss-new-cabinet-in-full-who-is-in-and-who-is-out>.

6 О премьерстве Л. Трасс см.: Maher 2024, 325–342; Brassett et al. 2025, 129–150.

7 "Mr Raniil Jayawardena," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4498/career>.

не традиционные Кембридж или Оксфорд, а другие высшие учебные заведения¹. Это был самый высокий показатель за рассматриваемый период – даже выше аналогичного показателя кабинета Т. Мэй. Такой шаг Л. Трасс может рассматриваться как попытка вывода партии из кризиса за счет обновления кадрового состава и ухода от традиционных рекрутинговых решений, однако в данном случае она не увенчалась успехом.

Приход к власти Р. Сунака должен был ознаменовать продолжение тенденции на обновление элит, хотя бы в связи с тем, что главой правительства стал политик неанглийского происхождения. Впрочем, это не коснулось возрастных показателей, если принять во внимание тот факт, что уже упоминавшийся ранее лорд Н.Э. Тру вошел и в это правительство². При этом по сравнению с предшествующим кабинетом значительно возросло количество министров, получивших образование в Оксфорде и Кембридже. Их доля составила 52% – один из самых высоких показателей за весь период с 2015 по 2022 годы³. Такой же уровень представительства старейших и самых престижных английских университетов можно было наблюдать во втором кабинете Б. Джонсона.

Не менее важно проследить изменения, затронувшие официальную оппозицию Соединенного Королевства в данный период. В рамках британской двухпартийной системы понятие *контрэлиты* будет шире, чем *оппозиция*, поскольку в Британии только одна партия, помимо правящей, выделяется в качестве основной противоборствующей силы и даже формирует «зеркальное» правительство – «теневой» кабинет министров, который дублирует действующий. Другие же – малые партии – занимают менее значимые позиции в противоборствующем лагере. Таким образом, необходимо рассмотреть и трансформацию официальной оппозиции в условиях внешнеполитических вызовов.

Говоря о характеристиках теневого кабинета Дж. Корбина (2015–2020), можно отметить, что входившая в его состав элита по своим чертам значительно отличалась от правящей. Например, доля министров мужского пола с 2015 по 2020 гг. составила всего 34%, а женского – 66%⁴. Это, безусловно, позволяет утверждать, что лейбористы в рассматриваемый период предпринимали попытки адаптации к новым политическим реалиям, обновляя политическую контрэлиту за счет привлечения новых кадров.

При этом нижняя и верхняя возрастные границы ее представителей в рассматриваемый период также были шире, чем в любом из консервативных правительств. Самому возрастному – теневому Лидеру Палаты общин П. Флинну – был 81 год, а самому молодому – теневому министру по делам международного развития Д. Кардену – было всего 32 года⁵. Средний же возраст членов теневого кабинета составил 54 года, что сопоставимо с аналогичными показателями пре-

1 "Liz Truss New Cabinet in Full: Who is in and Who is out?" The Guardian, September 7, 2022, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2022/sep/07/liz-truss-new-cabinet-in-full-who-is-in-and-who-is-out>.

2 "MPs and Lords," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/members/commons>.

3 Ibid.

4 Peter Walker, "Jeremy Corbyn's Shadow Cabinet in Full," The Guardian, September 14, 2015, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2015/sep/14/jeremy-corbyn-labour-shadow-cabinet-in-full>; Rajeev Syal, Frances Perraudin, and Nicola Slawson, "Shadow Cabinet Resignations: Who has Gone and Who is Staying," The Guardian, June 26, 2016, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/26/labour-shadow-cabinet-resignations-jeremy-corbyn-who-has-gone>.

5 "Dan Carden," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4651/contact>.

бывавших у власти консерваторов¹. Таким образом, с точки зрения возрастных характеристик оппозиционная элита при Дж. Корбине сохраняла привычные позиции, однако отличалась большей лояльностью как к молодому, так и к старшему поколениям.

Интересным шагом было включение в состав теневого правительства тех членов партии, которые изначально конкурировали с К. Стармером за право стать лидером Оппозиции. В частности, Р. Лонг-Бейли стала теньвым министром образования, а Л. Нэнди – теньвым министром жилищного хозяйства и общин². С нашей точки зрения, такие кадровые решения должны были сгладить возможные противоречия внутри оппозиционной элиты и обеспечить организационное единство партии.

Рассматривая характеристики членов теневого кабинета К. Стармера, можно отметить усиление тенденций на еще большее обновление элиты. Например, еще сильнее сократилось представительство мужчин в составе официальной оппозиции. Их доля составила только 25% от общего числа теньвых министров³. Таким образом, лейбористы решили радикальным образом пересмотреть традиционное соотношение мужчин и женщин в органах исполнительной власти в новых исторических условиях.

Снизился и средний возраст членов теневого кабинета – с 54 до 49 лет. Самому старшему из них было 70 лет, что было сопоставимо с аналогичными показателями находившихся у власти консерваторов⁴. Возраст самого молодого министра, теневого министра по делам Северной Ирландии Л. Хейг, составил 33 года⁵. Соответственно, можно утверждать, что, как и у консерваторов, произошло определенное «омоложение» состава теневого кабинета, и выбор был сделан в пользу новых кадров.

В теньвом кабинете К. Стармера доля политиков с образованием, отличным от Оксфорда и Кембриджа, также осталась неизменной и составила 67%. Доля же выпускников «Оксбриджа» составила всего 26%⁶. Это подтверждает факт того, что в руководстве Лейбористской партии доминируют представители элиты, не обладающие характеристиками, свойственными «традиционной», старой элите, а канал рекрутирования в виде престижных вузов не является для нее основным.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода сохранялись сугубо традиционные характеристики консервативных правительств, такие как доминирующее численное представительство мужчин в правительстве, увеличение среднего возраста политиков, рост доли выпускников «Оксбриджа» на ключевых постах. Несмотря на то что острый кризис, вызванный Брекзитом, объективно диктовал необходимый минимум частичного обновления правящей элиты, на самом деле в период нахождения консерваторов у власти существен-

1 Peter Walker, "Jeremy Corbyn's Shadow Cabinet in Full," The Guardian, September 14, 2015, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2015/sep/14/jeremy-corbyn-labour-shadow-cabinet-in-full>.

2 Andrew Hindmoor, "Starmer's Labour has One Vital Strength: a Shadow Cabinet with real Government Experience," The Guardian, June 24, 2024, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/24/keir-starmer-labour-shadow-cabinet-government-tony-blair-gordon-brown>.

3 Ibid.

4 Ibid.

5 "Louise Haigh," UK Parliament, 2015–2022, August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4473/contact>.

6 Ibid.

ных перемен в ее базовых характеристиках не произошло. В то же время изменения в Лейбористской партии показывают, что трансформация официальной оппозиции проходила более динамично, особенно в возрастном и гендерном отношении. Таким образом, именно оппозиционная элита показала себя как более демократичная в вопросах представительства различных слоев населения, рекрутирования новых кадров, причем с отказом от традиционных механизмов отбора кадров по признаку элитного образования в пользу иных качеств.

Одним измерением, которое не было рассмотрено в ходе изучения трансформации британских элит, было этническое. Именно оно является важным в контексте изучения экстраполяции внешнеполитических решений консервативных кабинетов на дипломатию Соединенного Королевства в 2015–2022 гг., так как этнические особенности играли значимую роль в принятии внешнеполитических решений, касавшихся дипломатии Лондона и его действий на мировой арене.

Взаимосвязь трансформации британской политической элиты и смены внешнеполитических приоритетов

С одной стороны, именно элиты зачастую выступают инициаторами изменений политического порядка, а с другой – изменения в политическом порядке находят отражение в составе элиты. Для того чтобы наглядно продемонстрировать результаты влияния британских политических элит на дипломатию Британии, а также обозначить воздействие смены приоритетов в дипломатической сфере на кадровые перестановки на ключевых политических позициях, необходимо обратить внимание, во-первых, на дискурс первых лиц и лиц, ответственных за внешнеполитическую составляющую в правительствах консерваторов, и, во-вторых, на документы, которые являются результатом выработки политических решений на официальном уровне.

Одной из наиболее ярких тенденций в 2015–2022 гг. стало также изменение этнического состава британской политической элиты. Для второго кабинета Т. Мэй был характерен самый большой процент так называемых «коренных британцев», занимавших ключевые министерские должности за рассматриваемый период¹. В этом смысле он состоял преимущественно из представителей традиционной элиты. Однако именно с его формирования наблюдается тенденция возвышения – с точки зрения занимаемых должностей – представителей нетипичных для старой британской политической элиты национальностей. Например, значимый пост министра внутренних дел занял политик с пакистанскими корнями – С. Джавид, ранее занимавший менее престижную должность министра по делам местного самоуправления². В свою очередь, министром по выходу из Европейского союза стал Д. Рааб, чьи родители были чехословацкими евреями³. При этом ранее он не являлся членом кабинета. Можно заметить, что ядро британского правительства стало более разнообразным с точки зрения этниче-

1 "Louise Haigh," UK Parliament, 2015–2022, August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4473/contact>.

2 "Sir Sajid Javid," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/3945/career>.

3 "Dominic Raab," UK Parliament, 2015–2022, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4007/career>.

ской принадлежности его членов, несмотря на исключительное доминирование выходцев из Англии.

При Б. Джонсоне не только увеличилось разнообразие этнического происхождения членов кабинета, но и получило дальнейшее развитие занятие представителями различных национальностей, в том числе и небританского происхождения, значимых государственных постов. Так, в кабинете впервые появились министры, чьи родители были уроженцами Кении, Танзании, Индии, Ганы¹. Более того, деятели неанглийского и даже небританского происхождения заняли самые престижные должности в Правительстве Б. Джонсона. Например, С. Джавид и Р. Сунак выполняли обязанности канцлера казначейства, условно второго по важности члена правительства после премьер-министра. П. Пател была возвращена в состав кабинета и стала выполнять функции министра внутренних дел, А. Шарма и К. Квартенг были назначены министрами по делам бизнеса, энергетики и промышленного развития². Это, безусловно, новая черта в развитии британской политической элиты, которая отражала стремление Соединенного Королевства в условиях выхода из европейского интеграционного проекта больше внимания уделять взаимодействию со странами Содружества. С точки зрения рассмотренных ранее теорий об эффективности политических элит в соответствии со степенью их открытости представителям новых социальных групп, а также с точки зрения репрезентативности такое изменение действительно может быть оценено как успешный шаг к дальнейшей демократизации и вовлечению людей с большим спектром представлений и идей в по определению относительно закрытые элитарные круги.

Наиболее «этнически разнообразным» можно назвать кабинет Л. Трасс. Таким образом продолжилась уже отмечавшаяся тенденция на включение неанглийских представителей в состав высшей политической элиты. Так, в нем были представлены политики, чьи родители происходили из Нигерии, Ганы, Кении, Маврикия, Сьерра-Леоне, Ирака, Шри-Ланки, Индии и других стран. Однако такой шаг в пользу диверсификации состава элиты и включения в нее новых кадров, безусловно, не стал определяющим и не спас премьер-министра от рекордно короткого срока нахождения у власти.

Аналогичным образом можно обратиться к процессам, происходившим в оппозиционных Правительству политических кругах. Представляется возможным изучать такую оппозиционную элиту британской политической системы также через ее ядро – «зеркальный» теневой кабинет министров. В исследуемый период функционировали теневые кабинеты Дж. Корбина (2015–2020) и К. Стармера (2020–2022). С точки зрения этнического происхождения лейбористский теневой кабинет Дж. Корбина также отличался присутствием политиков с неанглийским происхождением. Кроме министров, чьи предки родились в Соединенном Королевстве, в нем были представлены выходцы из Ямайки, Гренады, Индии, Нигерии, Йемена и других стран. При этом коренные британ-

1 Heather Stewart, "Who is on the Move in Boris Johnson's Cabinet Reshuffle?" The Guardian, September 15, 2021, accessed August 10, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2021/sep/15/who-is-on-move-boris-johnson-cabinet-reshuffle>.
2 "Priti Patel," UK Parliament, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4066/contact>; "Kwasi Kwarteng," UK Parliament, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4134/career>; "Lord Sharma," UK Parliament, accessed August 16, 2024, <https://members.parliament.uk/member/4014/career>.

цы по-прежнему были в большинстве, сопоставимом с аналогичной долей в кабинетах правящей партии.

В дальнейшем магистральная для Британии последних лет тенденция на представительство выходцев из разных стран в правительстве только развивалась. Так, в теневой кабинет К. Стармера вошли политики, чьи родители происходили из Гайаны, Индии, Ямайки, Йемена, Шри-Ланки¹. Соответственно, количество англичан, представленных в теневом правительстве, стало меньше, чем в теневом кабинете Дж. Корбина. Важно, что эта особенность обновления элит затронула как правящие круги, так и оппозицию, что подчеркивает важность внешнеполитического направления для властных структур и отчасти отражает общественный запрос.

Интересно, что именно этот аспект трансформации британской политической элиты не только затрагивал две ключевые силы, влияющие на британскую политику, но и соответствовал смене внешнеполитических приоритетов и целей Соединенного Королевства в отношении стран, с которыми государство намеревалось углублять отношения после Брекзита.

Первым значимым примером взаимосвязи трансформации элит и внешнеполитических изменений можно, таким образом, считать намерение расширить сотрудничество с неевропейскими странами. Так, можно отметить присоединение Британии к концепции «Индо-Тихоокеанский регион»². Также любопытен составленный в 2021 г. правительством Б. Джонсона документ под названием «Глобальная Британия в эпоху конкуренции» (*Global Britain in a Competitive Age*)³ – комплексный обзор стратегии национальной безопасности, обороны, развития и внешней политики Соединенного Королевства, в котором даны оценки и перспективы развития дипломатии и внешней политики Британии. Так, говоря о Содружестве наций, правительство отмечало, что это объединение рассматривается как фактор, усиливающий британскую внешнюю политику, – как «важный институт, поддерживающий открытый и устойчивый международный порядок»⁴. Утверждалось, что Содружество наций позволяет Британии играть активную роль среди группы государств, «имеющих [общие] национальные интересы в продвижении демократии, поддержании индивидуальных свобод и обеспечении устойчивого развития»⁵.

В качестве особого примера в докладе также была представлена Индия, которая позволяла Британии сохранять «прочные культурные связи», а также способствовала сотрудничеству в области образования и торговли⁶. Вот как отношения между двумя государствами охарактеризованы в документе правительства Б. Джонсона: «Отношения между Британией и Индией уже являются прочными, но в течение следующих десяти лет мы стремимся к преобразованию нашего сотрудничества по всему спектру наших общих интересов. Как крупнейшее демократическое госу-

1 "His Majesty's Government: The Cabinet," UK Parliament, 2024, accessed August 26, 2024, <https://members.parliament.uk/Government/Cabinet>.

2 Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» была впервые озвучена в 2007 г. премьер-министром Японии Синдзо Абэ в его речи в Индийском парламенте. "Confluence of the Two Seas." Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India," Ministry of Foreign Affairs of Japan, August 22, 2007, accessed August 26, 2024, <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pm0708/speech-2.html>.

3 "Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy," UK Government, March 16, 2021, accessed August 26, 2024, <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.

4 Ibid., 61.

5 Ibid.

6 Ibid., 62.

дарство в мире Индия является международным игроком, значение которого растет. Как страны Содружества мы поддерживаем прочные культурные связи: 1,5 млн граждан Британии имеют индийское происхождение; и мы широко сотрудничаем в сфере образования. С 2007 по 2019 гг. товарооборот между Британией и Индией увеличился более чем в два раза, инвесторы обеспечивают более полумиллиона рабочих мест в наших экономиках, а Британия является вторым по величине партнером Индии в области исследований. Способность заключать собственные торговые сделки позволит нам и дальше развивать экономические отношения, в том числе за счет увеличения двусторонних инвестиционных потоков»¹.

Важность данного направления коррелирует со значимостью постов, которые занимали выходцы из Индии при Б. Джонсоне. В частности, будущий премьер-министр Р. Сунак во время премьерства Б. Джонсона был канцлером казначейства, а П. Пател – министром внутренних дел (2019–2022). Таким образом, прослеживается взаимосвязь между обретшими новую актуальность для британской внешней политики направлениями и соответствующими изменениями в Правительстве.

Несмотря на определенный прогресс, осуществленный консерваторами в отношении стран нового приоритета, безусловно, абсолютной реализации заявленных планов не произошло. Например, до сих пор не удалось заключить соглашение о свободной торговле с Индией, а дальнейшие переговоры откладывались на год². Бесспорно, увеличение числа выходцев из различных стран в британской политике не является уникальным решением проблемы; требуется дальнейшее обновление элиты, в том числе и посредством поиска кадров с новыми компетенциями и навыками.

Вторым ярким примером взаимосвязи изменений в составе и характеристиках политической элиты с дипломатическими трансформациями является противостояние двух ключевых стратегий в переговорном процессе о Брекзите. Именно оно породило раскол политической элиты на «жестких» и «мягких» «брекзитеров». Так, «жесткий Брекзит» означал Брекзит, «при котором Соединенное Королевство перестает быть членом Единого внутреннего рынка ЕС и получает полный контроль над национальным законодательством и регулированием миграции»³. В то же время «мягкий Брекзит» подразумевал «Брекзит, при котором отношения Соединенного Королевства с Европейским союзом будут максимально приближены к тем, что были до Брекзита»⁴. Отсутствие соглашения по такому значимому вопросу не только не способствовало продвижению переговорного процесса, оно также не позволило бы консерваторам сохранить власть, не прибегая к внутриэлитным изменениям.

Как следствие, борьба сторонников «мягкого» и «жесткого» Брекзита внутри британской политической элиты стала фактором значительных перестановок в

1 "Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy," UK Government, March 16, 2021, accessed August 26, 2024, <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.

2 Eleni Courea, "UK and India Put Free Trade Deal Talks on Ice Until Later this Year," The Guardian, March 15, 2024, accessed December 19, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2024/mar/15/uk-and-india-put-free-trade-deal-talks-on-ice-until-later-this-year>.

3 "Hard Brexit," Cambridge Dictionary, accessed September 1, 2024, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hard-brexite>.

4 "Soft Brexit," Cambridge Dictionary, accessed September 1, 2024, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-brexite>.

три кабинетов министров на протяжении всего периода выхода Соединенного Королевства из ЕС. Так, срок премьерства Т. Мэй наглядно демонстрирует давление «жесткой» дипломатической стратегии на политическую элиту. Т. Мэй была сторонницей «мягкого Брекзита», хотя и настаивала на том, что «Брекзит означает Брекзит», чтобы убедить сторонников выхода из ЕС в том, что ей можно доверять. Впрочем, внутри ее кабинета были и несогласные с данной позицией, что проявилось, в частности, во время принятия подготовленного правительством в июле 2018 г. «Плана Чекерс»¹, который не удовлетворил радикалов. В результате последовали отставки из правительства Т. Мэй, в числе которых отставка двух сторонников «жесткого Брекзита» с центральных для дипломатической элиты постов: Б. Джонсона – с должности министра иностранных дел и Д. Рааба – с должности министра по выходу из Европейского союза. Таким образом, нельзя не отметить проецирование разных идей и нарративов на внешнеполитические действия Британии.

Обратный «эффект» давления уже «мягких» дипломатических стратегий на политические элиты можно наблюдать на примере кабинета Б. Джонсона. После парламентских выборов ему также пришлось провести ряд перестановок, которые позволили бы добиться внутреннего партийного единства и обеспечить успешный выход Британии из Европейского союза, однако политику жестко противодействовала группа из 21 консерватора, которая выступала за перенос выхода из ЕС на новую дату после 31 октября 2019 г., поскольку политической элите так и не удалось заключить с Европейским союзом соглашение, а сами депутаты являлись противниками «жесткого Брекзита»². В результате Ф. Хэммонд и Д. Гок были уволены с постов канцлера казначейства и министра юстиции, так как вошли в число тех, кто присоединился к Оппозиции³. Таким образом, не только сформировавшаяся элита может определять внешнеполитические приоритеты, но и запрос на определенные цели и задачи во внешней политике страны может провоцировать частичные изменения в составе властных групп.

При этом общее число перестановок при 77-м премьер-министре было меньше, чем после досрочных выборов при премьерстве Т. Мэй. Это может говорить о том, что Б. Джонсону удалось более удачно сформировать кабинет, чем его предшественнице. Тем не менее стоит также отметить причины смены некоторых министров в правительстве. Так, С. Джавид, занимавший должность канцлера казначейства, уступил место Р. Сунаку, поскольку отказался заменить всех своих советников на людей, определенных премьер-министром⁴. В отличие от С. Джавида, Р. Бакленд смог сохранить пост министра юстиции, уволив одного из своих помощников – П. Кардуэлла – по требованию Б. Джонсона⁵.

Заметно, что политика Б. Джонсона по обеспечению внутреннего единства правительства и преодолению расколов была еще жестче, чем политика Т. Мэй, которая показала себя как несостоятельная и неэффективная. Б. Джонсон требовал

1 Назван по месту его подписания – загородной резиденции премьер-министра.

2 "Brexit Showdown: Who were Tory Rebels Who Defied Boris Johnson?" BBC, September 5, 2019, accessed May 7, 2024, <https://www.bbc.com/news/uk-politics-49563357>.

3 Ibid.

4 Rowena Mason, Heather Stewart, Peter Walker, "Sajid Javid Resigns as Chancellor in Boris Johnson Reshuffle," The Guardian, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2020/feb/13/sajid-javid-resigns-as-chancellor-amid-boris-johnson-reshuffle>.

5 Ibid.

также и лояльности министров. Наиболее часто изменения затрагивали министерство по делам бизнеса, предпринимательства и энергетики. Так, А. Ледсом была исключена из второго кабинета Б. Джонсона 13 февраля 2020 г. в ходе серии кадровых перестановок¹. Следом за ней на пост министра был назначен А. Шарма, сторонник Б. Джонсона, однако 8 января 2021 г. он был освобожден от обязанностей министра и получил задачу полностью сосредоточиться на подготовке Британии к конференции ООН по вопросам изменения климата, запланированной на ноябрь 2021 года². Особенно интересен случай отправки в отставку министра по делам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Т. Вильерс³, поскольку она была известна как убежденная сторонница Брекзита и была приглашена в правительство самим же Б. Джонсоном, но ее способность руководить министерством и полностью пересматривать сельскохозяйственную политику Британии в условиях Брекзита, согласно некоторым источникам, была поставлена под сомнение⁴.

Некоторые члены кабинета, ранее подавшие в отставку, вернулись к работе. Например, Э. Радд и П. Пател вернулись в правительство Б. Джонсона. Такая политика соответствовала обещаниям нового премьер-министра «продвигать поколение талантов» для того, чтобы лучше подготовить страну к будущему после Брекзита⁵. Фактически таким образом обозначалась готовность старой политической элиты адаптироваться к новым реалиям политической жизни и не только менять себя, но и пускать в свои ряды новых членов – представителей новой элиты.

Следовательно, два ключевых примера – изменение этнического состава правящей и оппозиционной элит вместе с трансформацией внешнеполитических приоритетов в пользу неевропейских держав, а также поочередное давление «жесткой» и «мягкой» переговорных стратегий о Брекзите на состав и поведенческие особенности властных кругов – показывают, какую роль внешнеполитические и дипломатические аспекты могут играть в функционировании элит и наоборот. Если представители элиты способны подстраиваться под меняющиеся условия и воспроизводить новые характеристики, соответствующие современным запросам государства, общества или самой элиты, их шансы на сохранение власти увеличиваются, если нет – им приходится оставлять посты в пользу новых участников политического процесса.

Заключение

Британская политическая элита на протяжении 2015–2022 гг. пережила заметные трансформации, особенно во внешнеполитическом и дипломатическом отношении. Значительная часть ее характеристик оставалась старой, традиционной.

- 1 Rowena Mason, Heather Stewart, Peter Walker, "Sajid Javid Resigns as Chancellor in Boris Johnson Reshuffle," The Guardian, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2020/feb/13/sajid-javid-resigns-as-chancellor-amid-boris-johnson-reshuffle>.
- 2 "The Rt Hon Alok Sharma MP," UK Government, 2017–2021, accessed May 7, 2024, <https://www.gov.uk/government/people/alok-sharma>.
- 3 Kate Proctor, Peter Walker, "Boris Johnson's Reshuffle: Who's in, Who's out, at a Glance," The Guardian, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.theguardian.com/politics/2020/feb/13/boris-johnson-reshuffle-whos-in-whos-out-at-a-glance>.
- 4 Lizzy Buchan, "Theresa Villiers: Boris Johnson Axes Environment Secretary in Post-Brexit Cabinet Reshuffle," The Independent, February 13, 2020, accessed May 7, 2024, <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-villiers-cabinet-reshuffle-boris-johnson-brexit-latest-a9333061.html>.
- 5 "Johnson to Promote 'Generation of Talent' in Cabinet Reshuffle," ITV News, February 12, 2020, accessed March 11, 2024, <https://www.itv.com/news/2020-02-12/johnson-to-promote-generation-of-talent-in-cabinet-reshuffle>.

Как следствие, не прослеживалась прямая взаимосвязь таких особенностей, как пол, возраст министров и их образование, с трансформациями во внешней политике. Например, первый кабинет Т. Мэй не отличался внутренним единством по ключевому вопросу политической повестки дня – выходу страны из европейского интеграционного проекта. Типичный министр в период ее премьерства был мужчиной старшего возраста с классическим образованием Оксфорда или Кембриджа.

Гораздо успешнее в этом отношении адаптировалась оппозиционная элита. Теневые кабинеты лейбористов были преимущественно женские, состоящие из министров, окончивших не Оксфорд и Кембридж, а менее престижные университеты. Сократились средний возраст состоявших в них политиков и доля коренных британцев. Можно говорить о том, что оппозиционная элита была гибче и ориентировалась на включение новых членов в свой состав, а не на традиционные принципы происхождения и схожего социального статуса. В 2024 г. обновленная властная группа смогла переломить череду консервативного лидерства и перейти в статус правящей.

Однако также достаточно ярко проявилась тенденция обновления британских элит – причем как правящей, так и оппозиционной, – включение в их состав политиков неанглийского и даже небританского происхождения, что не является типичным для «старой» элиты Британии и делает ее более демократичной и репрезентативной. Приход к власти Б. Джонсона в этом смысле способствовал частичному обновлению правящей элиты. Взяв курс на привлечение «новых талантов» после проведения досрочных парламентских выборов 2019 г. и поставив своей целью подготовку Соединенного Королевства к жизни после выхода из ЕС, премьер-министр стал назначать более молодые кадры, а число представителей неанглийского и небританского происхождения увеличилось. Аналогичные тенденции были отмечены и в рядах официальной оппозиции.

Такая трансформация британской политической элиты отразилась, во-первых, на внешнеполитическом взаимодействии с другими странами, что отразилось в принятии важного для британского внешнеполитического курса и дипломатии документа «Глобальная Британия в эпоху конкуренции». В нем были определены как веяния и тенденции к развитию сотрудничества со странами Содружества наций, которые только декларировались в качестве новых, так и действительно свежие подходы к взаимодействию с ЕС и Индией, что продемонстрировало новую проекцию желаний и возможностей политической элиты на внешнеполитическую деятельность Лондона и его дипломатию. Последняя, несмотря на Брекзит, начала искать новые пути развития, в частности в отношении все более распространявшегося в политической практике Британии в рассматриваемый период поворота в сторону концепции «Индо-Тихоокеанского региона». Вторым бесспорным примером влияния дипломатической повестки на состав и характеристики элиты страны стал спор о «жесткой» и «мягкой» переговорной стратегиях по Брекзиту, каждая из которых вынуждала политиков, не способных адаптироваться к новым реалиям, покидать властные позиции и уступать место более «гибким» участникам политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Годованюк, К.А. «Постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе: казус «Глобальной Британии» // *Международная аналитика*. 2023. № 2. С. 116–132. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-116-132>.

Godovanyuk, Kira A. "Postcolonial Moment' in Foreign Policy Discourse: the Casus of 'Global Britain'." *Journal of International Analytics* 14, no. 6 (2023): 116–132 [In Russian].

Корниенко, О.Ю. От ценностей британских элит – к реализации национальных установок в международных отношениях // *Вестник Московского университета*. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2023-43-1-30-42>.

Kornienko, Ol'ga Yu. "From British Elites Values to Promotion of National Interests in International Relations." *Bulletin of Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics*, no. 1 (2024): 30–42 [In Russian].

Овчинников, В.В. Сакура и дуб. М.: Издательство АСТ, 2024.

Ovchinnikov, Vsevolod V. *Sakura and Oak*. Moscow: AST Publishing House, 2024 [In Russian].

Сажимбаев, А.В. Подготовка проекта индийской конституции в первой половине 1930-х гг.: столкновение интересов внутри британской политической элиты // *История. Общество. Политика*. 2021. № 3(19). С. 6–17. <https://doi.org/10.15826/usos.2023.13.8>.

Sagimbayev, Alexey V. "Preparation of the Draft of the Indian Constitution in the First Half of the 1930s: The Clash of Interests Within the British Political Elite." *History. Society. Politics*, no. 3 (2021): 6–17 [In Russian].

Aidt, Toke, Grey, Felix, and Alexandru Savu. "The Meaningful Votes: Voting on Brexit in the British House of Commons." *Public Choice* 186, (2021): 587–617. <https://doi.org/10.1007/s11127-019-00762-9>.

Atkins, Judi. "Rhetoric and Audience Reception: An Analysis of Theresa May's Vision of Britain and Britishness After Brexit." *Politics* 42, no. 2 (2022): 216–230. <https://doi.org/10.1177/0263395721991411>.

Booth, Oliver. "The Downfall of Boris Johnson: Analysing Patterns of Opinion Among Conservative

Parliamentarians in the Confidence Motion and Mass Resignations." *Representation* 61, no. 1 (2025): 111–129. <https://doi.org/10.1080/00344893.2024.2365676>.

Booth, Oliver, Butler, Chris, Jeffery, David, and Andrew Roe-Crines. "Selecting Sunak: Conservative MPs' Nomination Preferences in the (Second) British Conservative Party Leadership Election." *Parliamentary Affairs* 77, no. 3 (2024): 450–469. <https://doi.org/10.1093/pa/gsad010>.

Brassett, James, and Christopher S Browning. "Lettuce Rejoice in the Downfall of Liz Truss? Humour, Ontological (In)Security and the Politics of Ridicule." *Alternatives* 50, no. 1 (2025): 129–150. <https://doi.org/10.1177/03043754241293619>.

Brusenbauch Meislová, Monica, and Birgit Bujard. "Prime Ministerial Political Leadership and the Domestic Politics of Brexit: Theresa May and Boris Johnson Compared." *British Politics* 19, (June 2024): 268–287. <https://doi.org/10.1057/s41293-023-00240-3>.

Byrne, Chris, Randall, Nick, and Kevin Theakston. "Theresa May's Disjunctive Premiership: Choice and Constraint in Political Time." *The British Journal of Politics and International Relations* 23, no. 4 (2021): 699–716. <https://doi.org/10.1177/13691481211016931>.

Gamble, Andrew. "The Remaking of Conservatism: Boris Johnson and the Politics of Brexit." *The Political Quarterly* 92, no. 3 (2021): 461–468. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.13054>.

Hayton, Richard. "Conservative Party Statecraft and the Johnson Government." *The Political Quarterly* 92, no. 3 (2021): 412–419. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.13006>.

Maher, Henry. "Neoliberalism Versus the Market? Liz Truss, Neoliberal Resilience, and Lacan's Theory of the Four Discourses." *The British Journal of Politics and International Relations* 26, no. 2 (2024): 325–342. <https://doi.org/10.1177/13691481231216704>.

Nishikawa-Pacher, Andreas. "Diplomacy Versus Politics: Two Mutually (In)Dependent Systems." *Political Studies Review* 22, no. 3 (2023): 471–486. <https://doi.org/10.1177/14789299231169860>.

Сведения об авторе

Александра Андреевна Малинина,

аспирант департамента международных отношений

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

101000, Россия Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: aamalinina@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 октября 2024.

Переработана: 26 декабря 2024.

Принята к публикации: 27 декабря 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Малинина, А.А. Дипломатическое измерение трансформации правящей элиты и официальной оппозиции Великобритании в 2015–2022 годах // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 120–136.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-120-136>

Diplomatic Dimension of the Transformation of the UK Ruling Elite and the Official Opposition, 2015–2022

ABSTRACT

The article is devoted to the transformation of both the ruling elite and the Official Opposition in the United Kingdom in the period 2015–2022 and its reflection in Britain's diplomatic practices.

During this period, the British political system faced many different challenges, including the referendum on the country's membership of the EU, the subsequent difficult process of the country's withdrawal from the integration association, various internal party splits on key issues of British political life. All these issues not only influenced the formation of the new British political elite, but also shaped its diplomatic agenda. The study of the generation of ideas in the British elite, as well as the study of its composition, makes it possible to determine the value of its influence on foreign policy decisions, as well as the influence of its composition on Britain's activities in the international arena. It also analyzes the impact of these events on the structure and dynamics of power relations, as well as on the strategic priorities and ideological attitudes of both Britain's ruling elite and its opposition. The article examines changes in key characteristics of the elite, such as the gender, age, ethnicity and educational attainment of politicians, and assesses new trends in their political views and behaviour. Attention is also given to the implications of elite change for the British political system.

KEYWORDS

political elite, diplomacy, United Kingdom, Brexit, opposition, EU, Indo-Pacific

Author

Aleksandra A. Malinina,

PhD student, School of International Affairs, National Research University
Higher School of Economics

20, Myasnitskaya street, Moscow, Russia, 101000

e-mail: aamalinina@hse.ru

Additional information

Received: October 30, 2024. Revised: December 26, 2024. Accepted: December 27, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Malinina, Aleksandra A. "Diplomatic Dimension of the Transformation
of the UK Ruling Elite and the Official Opposition, 2015–2022."

Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 120–136.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-120-136>